

みんなくりポジトリ

国立民族学博物館学術情報リポジトリ National Museum of Ethnology

Сердце, отданное Монголии

メタデータ	言語: rus 出版者: 公開日: 2018-02-05 キーワード (Ja): キーワード (En): 作成者: П., Цолмон メールアドレス: 所属:
URL	https://doi.org/10.15021/00008698

Сердце, отданное Монголии

П.Цолмон

д-р географических наук

Монголы звали его Шар Дамдинсуреном. Слово “шар” переводится как русский или рыжий. Монголам нужно было как-то отличить его от других бронзоволицых Дамдинсуренов. У него было еще одно имя, по звучанию более напоминавшее его фамилию – Сэмэнхо. Его жизненный путь был коротким, но ярким, за свои неполные сорок лет он успел совершить удивительные путешествия и познать радости первооткрывателя.

Андрей Дмитриевич Симуков с детства страстно мечтал путешествовать по неизведанным просторам Центральной Азии, с увлечением читал труды Н.М.Пржевальского, П.К.Козлова, С.Гедина. Будучи гимназистом совершал вылазки на природу, организовал вместе со сверстниками “Общество естествоиспытателей”, вел дневники фенологических наблюдений.

Затем Андрей Дмитриевич поступил – в силу обстоятельств - в Электромеханический институт имени М.В.Ломоносова. И тут в его жизни наступает переломный момент.

Он узнает о том, что набирают людей в экспедицию П.К.Козлова. Претендентов было много, но Андрей сумел стать одним из четырех человек, включенных тогда в состав экспедиции Русского Географического Общества, отправлявшейся в Центральную Азию.

За время работы в Монголо-Тибетской экспедиции П.К.Козлова Андрей быстро обрел навыки географического исследования: в течении трех месяцев работал метеорологическим наблюдателем, научился обращаться с топографическими инструментами, вместе с другими участниками экспедиции провел топографическую съемку горы Ноин-ула, участвовал в исследовании флоры и фауны Хэнтэя, развалин мертвого города Хара хото и в раскопках Ноин-ульских курганов гуннских времен. В частности, в своих трудах Козлов особо отмечает “Андреевский” и “Кондратьевский” курганы. Раскопку “Андреевского” кургана вел А.Д.Симуков.

Осенью 1926 года, перед возвращением на родину экспедиции В.П.Козлова, он принял предложение ученого секретаря Научно-исследовательского комитета Ц.Жамсарано остаться в Монголии для работы в этом учреждении. С начала 1927 года до сентября 1939 года работал в качестве заведующего музеем, затем географическим кабинетом,

а впоследствии Географическим отделением Научно-исследовательского комитета /НИК/. В разные годы по совместительству занимал должность заведующего Метеорологическим бюро и Фототеки НИКа.

Осенью 1939 года самоотверженная деятельность талантливого русского географа была прервана внезапным арестом.

* * *

Свою деятельность в Монголии он разделяет на три части: работа учрежденческого характера, экспедиционные исследования и научная обработка собранных материалов.

Работы учрежденческого характера хватало. Прежде всего он должен был скоординировать работу вверенных ему организаций. На это он тратил, естественно, немало времени. Кроме того, его приглашали на межведомственные заседания, особенно частые в годы «левацкого загиба», просили у него, как он пишет, “бесконечные справки различным лицам и учреждениям по самым разнообразным вопросам монгольских природы и быта”. К ним следует добавить еще и научные предложения и проекты, которые он разрабатывал и составлял по собственной инициативе. Некоторые из них включены в этот сборник, о других лишь упоминается в его трудах. Достаточно перечислить лишь некоторые из них, чтобы понять необыкновенную широту его интересов. Он писал: об эксплуатации леса Улан-Баторского района, о причине массового ухода жителей Южно-Гобийского аймака за границу, о переселении некоторых аймачных центров, о запрете охоты на фазанов, о создании новых заповедников, об изменении некоторых важных трактов, о новом экономическом районировании территории страны, о возможности применения крупных рек Монголии для речного транспорта, о казахском вопросе, о создании краеведческих музеев... Со временем он в совершенстве овладел монгольским языком, научился писать по-монгольски не хуже заправского писаря, и тут логично предположить, что многие из подобных справок и предложений он уже стал составлять на монгольском языке, чтобы не тратить время на перевод.

А.Д.Симуков свою учрежденческую работу считал малопродуктивной в его специальности. Но его справки и практические советы для Монголии имели большое значение. В частности, предложенные русским географом мероприятия по улучшению снабжения жителей приграничных районов Южно-Гобийского аймака промышленными и продовольственными товарами остановил их массовый уход за границу.

Правда, некоторые из его предложений так и остались на бумаге. Но это не вина Андрея Дмитриевича. Например, если бы серьезно отнеслись

к его предложению и предоставили несколько родников последним лошадям Пржевальского, это редкое животное скорее всего не исчезло бы из Центральной Азии. Потому, что именно тяготение людей к немногочисленным родникам Заалтайской гоби лишило этих редких лошадей водопоя, стало для них смертным приговором.

Передо мной свежий номер газеты “Удрийн сонин”. В ней написано о катастрофическом состоянии леса Улан-Баторского района - из-за нещадных вырубок мелеют реки Тола, Селбе и Улиастай. Как пример интенсивной вырубки рассматривается гора Баян зурхэ ула, примыкающая к столице нашей страны с востока. Площадь ее лесов еще недавно составляла 289 гектаров, за три последних три года вырублено 220 гектаров леса¹⁾.

Об этой опасности еще в 1930 году предупреждал Андрей Дмитриевич в справке “Об эксплуатации лесов Улан-Баторского района”, написанной по поручению Министерства торговли и промышленности МНР.

* * *

Несмотря на напряженную работу “учрежденческого характера”, за время работы в Географическом отделе ему удалось совершить более 10 экспедиций и множество экскурсий.

За время этих экспедиций воплотилась в жизнь его детская мечта. Он открывал месторождения, даже неизвестную европейцам горную систему, собрал сведения о диком верблюде, ада боро, гобийском медведе и цохондое /камышовый кот/.

Здесь уместно сказать о дальнейшей судьбе упомянутых животных.

Известный русский ученый и писатель-фантаст И.А.Ефремов писал о добытой им антилопе ада боро. Факт этот достоверен - подтвержден биологами. По-видимому, отдельные особи этой редкой антилопы время от времени заходят в Монголию из Тибетских гор. Установлено, что до 1975 года в экстрааридных пустынях Юго-западной Монголии обитали около 50 медведей. В настоящее время осталось всего 16 голов /2005/, 10 из них снабжены радиоошейниками и образ их жизни тщательно изучается. Наконец, признали существование цохондоя, обитающего в камышах озер Западной Монголии и включили в Красную книгу Монголии. В настоящее время созданы две станции с целью акклиматизации лошадей Пржевальского с последующим их возвращением на природу. Они расположены в заказнике Хустайн-нуру и зоне “Б” Большого гобийского заповедника. Лошади были привезены из зарубежных стран. В настоящее время на этих станциях содержатся 59 взрослых лошадей Пржевальского и 13 голов молодняка.

Добывая экспонаты для Музея, А.Д.Симуков охотился на снежных

барсов, дикого верблюда, горных баранов и козлов, на изюбря. В те времена Монголия была раем для охотников. Тогда дичь была в таком изобилии, что, по его собственному выражению, охотились в Гоби “почти не выходя из палатки”.

Он попадал в удивительные приключения, испытывал невероятные жизненные невзгоды и лишения, - о них он лишь скупо упоминает в своих трудах.

Читатель, ознакомившись с этим сборником, узнает о встрече русского исследователя с кумиром своего детства Свенем Гедином. Она произошла в местности под названием Эцзин гол.

О цели этой рискованной – из-за отсутствия воды - поездки по гоби он писал следующее: “Услышав от местных жителей о прибытии на Эцзин-гол какой-то европейской экспедиции и желая пополнить результаты своей экспедиции некоторыми материалами по этому интересному оазису, я с М.А.Симуковой, взяв местного проводника, выехали 31 октября из Ноин-Богдо на Эцзин-гол. Поехали мы совсем налегке и покрыли в три дня расстояние почти в 150 верст”.

Из рассказа Мелании Алексеевны: “Андрей в саксауловой роще поставил маленькую палатку и там оставил меня. А сам отправился на разведку...”²⁾.

Встреча эта произвела сильное впечатление на обе стороны. Мелания Алексеевна с увлечением и подробно рассказывала о том, как их принял Свен Гедин, как снимал их приезд кинооператор. Разговор велся на немецком языке. А.Д.Симуков знал несколько европейских языков. Шведский ученый восхищался их отвагой, удивлялся, как они смогли налегке пересечь безлюдную пустыню. В его экспедиции работали 80 человек. При встрече с Гедином Меланию Алексеевну сильно смутило состояние ее одежды, которая за несколько месяцев экспедиции порядком обтрепалась. “Но все равно Свен Гедин не сводил с меня глаз, - гордо вскинула голову Мелания Алексеевна, рассказывая об этом - Я тогда была молода и красива”.

Андрей Дмитриевич при желании смог бы быть в когорте великих русских путешественников, написать увлекательные труды о своих экспедициях по Монголии, увековечить свое имя в истории географического исследования в качестве “последнего из могижан” - но он предпочел отдать свои силы на благо возрождавшейся молодой страны. Я не сомневаюсь в том, что его книги были бы не менее интересными, чем труды “Монголия и страна тангутов” Н.М.Пржевальского или же “Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото” П.К.Козлова.

Андрей Дмитриевич умел смотреть на вещи объективно. В одном из

своих писем к родным он пишет “почти открыл” горную систему, тогда как другой бы на его месте написал бы - “открыл” и поспешил бы оповестить об этом ученый мир. Но Симуков понимал, что обнаруженные им горы неведомы лишь для европейцев, а для монголов они издавна - Сэгс цаган богд, и родники и урочища ее давно имеют свои названия. Он знал, что открытые в Центральной Азии “Московский” и “Русский” хребты, обнаруженные великим российским путешественником Н.М.Пржевальским так и остались только на страницах его книг. Переименованный его учеником П.К.Козловым на “Экспедиционный” водопад так же как прежде, носил свое старое название – Улан цутгалан. Симуков понял нелепость открытия страны, жители которой много веков назад не только открыли, но и покорили Европу.

* * *

К сожалению, безвозвратно утеряны его полевые дневники. Поэтому, трудно судить о собранной им научной информации.

Ознакомление с его трудами дает основание полагать, что Андрей Дмитриевич считал описательный метод освещения устаревшим и в меру своих сил стремился не только к качественному, но и к количественному анализу.

Его интересовали цифры. Он по мере своих возможностей старался собирать численные данные и подвергать их количественному анализу. К таким данным относятся, в частности, промеры глубин некоторых гобийских озер, таких как Орог, Бэгэр и Тэльмин /всего 76 промеров/, данные по 300-м укосным площадкам.

Он широко применял в своей работе и статистический метод, широко использовал для получения информации расспросы среди населения, особенно среди скотоводов. Этому способствовало его прекрасное знание монгольского языка. Так, например, поедаемость фоновых растений, места произрастания ядовитых растений, методы ведения скотоводческого хозяйства и типы кочевков он выявлял путем анкетирования и расспросов местного населения.

Этот подход давал свои плоды. Кто знает о растительности конкретной территории лучше, чем местные скотоводы?

Порой, его расспросы помогали ему решать сложные, широкомасштабные вопросы. В частности, в засушливые периоды конца 1920-х годов Правительство МНР было склонно осуществить массовое переселение жителей из южной Гоби на север – в более благополучные районы. Однако опрос А.Д.Симукова, проведенный в 1930 году показал, что “переселение ряда жителей почти нереально, не желает никто.”

Монголы уважали Русого Дамдинсурэна, доверяли ему, везде принимали как близкого друга. Теплое и сердечное отношение со стороны местного населения давали ему недоступные другим иностранным исследователям возможности. По прибытии в какую-нибудь местность перед ним, как по мановению волшебной палочки, раскрывались секреты населения. Он писал родным: “Хорошо чувствовать себя в кругу знакомой семьи, когда хозяин интересуется моей жизнью со времени последней встречи, хозяйка хлопочет с угощением, а ребяташки, пристраиваясь на моих коленях, рассматривают блокнот, рисуя в нем карандашом, или шарят по карманам в поисках конфет”. Как можно было утаить от такого человека, да еще и представителя власти по их понятию, какие-либо сведения?

Недаром ему принадлежит множество сведений о выходах месторождений, о старых коях, в частности, мрамора, свинца, золота, бурого и каменного угля, о древних окаменелостях...

В частности, при выборе площадок для нового центра Южно-Гобийского аймака Андрей Дмитриевичем, решающее значение имел обнаруженный им ряд выходов каменного угля. Впоследствии, там открыли крупнейшее в мире месторождение каменного угля с запасом в 6.4 миллиардов тонн, которое в настоящее время вызывает так много ажиотажа.

Монголы ни к одному из иностранных исследователей не питали такого искреннего доверия, как к Андрею Дмитриевичу.

* * *

В предлагаемом читателю сборнике собраны почти все, написанные на русском языке³⁾ /кроме картографических работ/, труды русского географа, посвятившего всю свою сознательную жизнь благу народа, населяющего значительную часть Центрально-Азиатской возвышенности.

Андрей Дмитриевич разбивал свою деятельность в Монголии на два этапа: “начало работы в Монголии” и “работа для Монголии”. К первому этапу он отнес время работы в составе экспедиции П.К.Козлова, а ко второму - годы работы в Географическом отделении НИКа Монголии.

Включенные в сборник труды особо не нуждаются в комментариях. Пусть читатель сам оценит их достоинства и недостатки.

Автору этих строк хочется лишь помочь читателю представить ту обстановку, в которой работал А.Д.Симуков, рассказать о значении научного наследия русского географа для монголов.

Историю географического исследования Монголии принято разделять на четыре этапа: со времен средневековых путешественников /XIII – XIV век/ до XVII века; с начала XVII века до первых экспедиций Русского

Географического Общества; от начала деятельности последнего до образования Монгольской Народной Республики; от образования МНР /1921/ до настоящего времени.

Данная периодизация весьма условна. В частности, третий этап географического исследования на самом деле закончился с завершением последней экспедиции П.К.Козлова, т. е. в 1926 году. Цифру 1921 взяли потому, что так было положено. Все новое и прекрасное начиналось сразу же после победы Народной революции.

Таким образом, А.Д.Симуков был одним из тех, кто завершил третий и начал четвертый этап географического исследования Монголии. Поэтому, отчеты первых самостоятельных экспедиций Андрея Дмитриевича хранят стиль великих русских путешественников, тогда как поздние его труды имеют в основном прикладной характер.

Деятельность А.Д.Симукова коренным образом отличается от работы его предшественников. Прежде всего это объясняется тем, что он был не иностранным путешественником, а заведующим единственной в стране научной организацией, занимающейся географическим исследованием Монголии. Об этом он писал в собственных работах. В частности, в одном из своих докладов замечает: “Вместе с тем необходимо отметить, что П. К.Козлов... мало интересовался хозяйственным строительством молодой Монгольской Республики, не строил свою работу в соответствии с ее насущными запросами и не мог поэтому оказать практической помощи в этом строительстве. С этой точки зрения я не получил в его экспедиции почти никакой подготовки и впоследствии мне уже самому пришлось перестраивать свою работу в соответствии с указанными вопросами”.

Он направил деятельность вверенного ему отдела на исследования первостепенной важности – прежде всего изучению кормового запаса пастбищ страны, организации хотона и т.д. В плане доклада о результатах 12-летней работы в МНР он с гордостью перечисляет: первая подробная география, связанная с народным хозяйством, первый географический атлас, первый экономический атлас, первая карта растительности /пастбищ/, первая детальная географическая сводка, первая детальная классификация пастбищ, первая классификация кочевков... Это были действительно новые и жизненно важные для Монголии темы. До него этими проблемами не занимался никто.

К ним еще можно добавить многие его начинания. Так, например, спелеологическое изучение территории Монголии началось с обследования пещеры Гурбан Цзэрд. Она была описана А.Д.Симуковым в 1930 году. В частности, “в различных частях пещеры были обнаружены: несколько ежей, высохших до степени мумии, много высохших же голубей, череп с

остатками кожи, очевидно пустынной рыси, затем череп же лисицы, кости и части шкур этих животных, высохшая змея и высохший скорпион, словом, целая коллекция мумий. Самой интересной находкой явилась, конечно, мумия человека, найденная в комнатообразном расширении дальнего хода.” Впоследствии, участники спелеологической экспедиции Географического института АН МНР посетили эту пещеру. Но не обнаружили вышеописанную коллекцию мумий. Только мумия человека была спасена для науки стараниями Андрея Дмитриевича. Еще в 1930 году она была вывезена и передана Центральному музею. Доктор О.Сухе-Батор как-то рассказал мне об обнаружении в данной пещере крупных отпечатков русских сапог. Возможно, они принадлежат Симукову. Если так, то это значит, что следы Андрея Дмитриевича остались не только в истории географического исследования Монголии.

Теперь несколько слов о картографических работах. Первая географическая карта Монгольской Народной Республики составлена русским исследователем В.И.Лисовским. А следующей была знаменитая “зеленая карта” А.Д.Симукова. Трудно переоценить ее значение. Это была первая подробная и тиражированная географическая карта, благодаря которой монголы смогли ясно представить себе конфигурацию своей страны.

Другой, не менее важной для Монголии картографической работой стал его “Географический атлас МНР”, который был для монголов таким же наглядным пособием, как и его настенная “зеленая карта”. Этот атлас был издан на монгольском и русском языках. Монгольский вариант атласа был издан в количестве 4000 экземпляров и моментально был распродан. Распространению атласа по стране способствовало еще и то, что вскоре после его издания состоялся очередной съезд МНРП, и новый атлас был роздан делегатам, прибывшим со всех концов Монголии. За этот труд Андрей Дмитриевич Симуков был награжден орденом “Полярной Звезды”.

Создание такого атласа было чрезвычайно смелой затеей, так как в то время Географический кабинет Научно-исследовательского комитета был единственным и неукрепившимся еще научным учреждением подобного профиля. Для того времени этот атлас был фундаментальным трудом. Достаточно сказать, что в него были включены карты по физической географии, расположению Монголии в Азии, растительному покрову, почвам, численности и плотности населения, количеству членов средней семьи, процентному содержанию лам среди населения, кочевому скотоводству /кочевка, плотность колодцев, расположение загонов и т.д./, земледелию, охотничьему делу, транспорту, культуре и экономике отдельных

аймаков и т. д.

С высоты нынешних достижений в области географических исследований Монголии, этот атлас может показаться схематическим, но в то время не было возможности более детального картирования из-за отсутствия детальной топографической основы. Чтобы читатель в полной мере представил огромный труд небольшого коллектива вверенного ему отдела, позволю себе привести некоторые данные. Труды подобного масштаба создаются большим коллективом ученых и исследователей. В конце сороковых годов прошлого столетия в составлении топографических карт Монголии стотысячного масштаба участвовали сотни специалистов, проводили аэрофотосъемку и наземные исследования с использованием точных геодезических приборов. “Национальный атлас МНР”, изданный в 1990-м году, был создан совместными усилиями 23 научных институтов Советского Союза и 39 академических и отраслевых институтов МНР.

* * *

Ровно через год после ареста А.Д.Симукова, в сентябре 1940 года советский ученый Э.М.Мурзаев приехал в Улан-Батор и был назначен заведующим Географическим отделением НИКа. Он впоследствии писал: “Первое, с чего начал в Улан-Баторе - привел в порядок все географические карты Монголии и большое количество рукописей, написанных различными исследователями страны в разное время. Рукописей набралось более двухсот, и значительная часть их не публиковалась, тем более сохранение этого рукописного фонда мне казалось необходимым и важным. Они все были систематизированы и каталогизированы... Среди рукописей на русском языке выделялись отчеты о путешествиях А.Д.Симукова и С.А.Кондратьева – участников последней экспедиции известного исследователя Центральной Азии П.К.Козлова /1923-1926/... Они показали себя пытливыми исследователями, проникли в самые глухие и отдаленные уголки Монголии и написали немало интересных работ. Андрей Дмитриевич Симуков увлекся изучением малоизвестных окраин и в ряде мест оказался первооткрывателем... Симуков был энергичным и трудоспособным человеком. Он опубликовал несколько работ /напечатанных в улан-баторских журналах/ и оставил большое рукописное наследство /довольно пестрое по содержанию/, как будто понимая, что все сведения о глухих районах Центральной Азии будут с благодарностью использованы. Здесь и дневниковые записи, и описания отдельных маршрутов и районов. Следует отметить большое произведение по географии Монголии, достаточно полное для своего времени. А.Д.Симуков интересовался и картографией. Он опубликовал карту МНР в русском и монгольском вариантах. Кроме

того, издал школьный атлас, хотя темы отдельных карт выходили за пределы школьных программ, как, например, карта физико-географического районирования страны”⁴⁾.

Академик Ш.Цэгмид вспоминал: “После его ареста опустело географическое отделение, собранные материалы, отчеты, рукописи неопубликованных книг, статьи и полевые дневники, разбросанные по чужим шкафам и стеллажам, были буквально на грани того, чтобы быть утерянными. Надо было их собрать и привести в порядок, создать фонд рукописей. Эту работу выполнил Э.М.Мурзаев, он изучил эти материалы. Мы с Ц. Пунцагноровом помогли ему. Тогда я плохо представлял географию нашей страны - только в рамках школьной программы - и потому, эти рукописи были настолько интересны, что ощущал себя первооткрывателем нового для меня мира”⁵⁾.

Ставший впоследствии ученым-историком, академик Цэвэгжавын Пунцагноров оценил труды русского исследователя коротко и ясно: “Андрей Дмитриевич Симуков – большой и замечательный ученый. По тому, что он успел сделать за свою недолгую жизнь, я бы поставил его рядом с гигантами русской исследовательской школы – Пржевальским, Козловым, Грумм-Гржимайло, Потаниным, Обручевым. Симуков достойно продолжал их дело”⁶⁾.

Таковы мнения людей, которые принимали труды А.Д.Симукова после его внезапного ареста.

В ходе дальнейшего изучения географии МНР совершенствуется представление о природе Монголии, появляются все более детальные классификации и разнообразные географические районирования.

Но все же, можно утверждать, что его труды в наши дни не только не потеряли своей актуальности – ценность их возрастает с каждым оборотом колеса времени. Они теперь имеют и историческую значимость, являясь основой для сравнительных анализов. Монгольские географы сегодня в состоянии вести гораздо более детальные и точные географические исследования. Но чтобы понять закономерности природы требуются более ранние работы, дающие картину прошлого. Мы прибегаем к трудам русских путешественников, к архивным данным и находим там описания природы того времени, изучаем даже разного рода прошения об освобождении от налога в связи с засухой и бескормицей, чтобы по ним судить о состоянии природы, в частности, климата того времени. Для выявления изменений, произошедших в состоянии природы Монголии с 1920-1930-х годов, мы неизменно прибегаем к данным А.Д.Симукова. По сути дела, труды Андрея Дмитриевича являются своеобразной географической энциклопедией Монголии тех лет. В них можно найти все.

Там есть также десятки интересных идей, которые сегодня требуют своего развития в увязке с решением экологических проблем. В частности, он предупреждал о возможности соединения двух меандр, Кукшин-Орхон, впадающего в Угэй нур, и вытекающего из него Хоолая, что может привести к превращению этого богатого рыбой степного озера в замкнутый водоем со всеми вытекающими отсюда последствиями: изменением водного режима, качества воды, сокращением площади водной глади, оскудением видового состава рыб и т.д.

Эти сведения особенно важны для изучения закономерностей климатических колебаний, кормового ресурса пасбищ, а также при установлении былых ареалов тех или иных животных, растений и т.д. В качестве примера можно взять хотя бы следующий его абзац: “В камышах Экины цзулганая держатся и дикие свиньи, пришедшие года 2-3 назад с запада. Кроме того, мы видели не очень старый след гобийского медведя”.

Читатель незнакомый с географией Монголии может удивиться - что тут особенного? Дело в том, что граница нынешнего ареала этих животных проходит на сотни километров западнее данной местности и это сведение является одним из немногих достоверных фактов, свидетельствующих о резком сокращении ареала этих животных за последние 70 лет.

В те времена, когда он работал в нашей стране, природа Монголии была еще плохо изучена. С другой стороны, как он подчеркнул, его районирования были первыми для Монголии. Поэтому, они не лишены недостатков. В частности, его последователей удивляет следующее обстоятельство: он разделил территорию Монголии на гоби и хангай. А далее подразделяет их на вертикальные пояса и горизонтальные природные зоны. Так почему же он положил эти сугубо монгольские народные понятия о природе в основу своего зонирования?

По традиционному монгольскому мышлению понятие “хангай” обозначает благополучную для жизнедеятельности сравнительно увлажненную территорию с поверхностным стоком, лесом или же с густым травянистым покровом. А гоби представляет собой аридную территорию с редкой кустарниковой растительностью, почти лишенную поверхностного стока. Иначе говоря, монголы испокон веков разделяли территорию своей страны на “благополучную” и “неблагополучную”. До сих пор бытует обидная для гобийцев поговорка: лучше родиться в хангае быком, чем родиться в гоби человеком.

В настоящее же время в монгольской географической литературе эти слова вообще не употребляются в качестве научных дефиниций. И напрасно. Автору этих строк ни разу не приходилось слышать, чтобы кто-

нибудь говорил: “я с лесо-степи”. Они по - прежнему говорят – “я из хангая”, хотя они теперь имеют ясное представление о природных зонах и поясах территории своей страны. На мой взгляд, эти понятия должны быть введены в научный обиход, но не в качестве основополагающей таксономической единицы, а вспомогательной.

Также замечу, что страницы того же труда, больше напоминающие учебное пособие по геологии и почвоведению, очевидно, написаны с той же целью. Монголы, особенно скотоводы, прекрасно разбираются в пастбищных растениях. Но у них слабое знание по геологии и почвам своей страны. В его трудах бросаются в глаза подобные недостатки, однако, надо полагать, что они допущены преднамеренно, потому, что эти работы, написаны не только для того, чтобы осветить географию Монголии - они были призваны еще и просвещать аратов.

Произведения А.Д.Симукова имеют большое историко-познавательное значение. Иногда приходится услышать высказывания о том, что Монголия отсталая страна. Но это понятие относительное. Прочитав труды русского исследователя читатель узнает, как с помощью России она изменилась с тех пор, когда русский исследователь творил свои труды. Сегодня, даже сельскому жителю трудно представить себе мобильный сомонный центр, подобно средневековому куреню знатного монгольского князя, вольно, как дзерен, кочующего по степи. Однако из описаний Симукова мы узнаем о существовании подобных “передвижных” населенных пунктов. Всего семьдесят лет назад он писал о строительстве первых домов и связанный с этим переход к оседлости сомонных центров как о крупном достижении: “Стали оседлыми многие сомонные управления, на основе которых образуются новые поселки”.

Он является основоположником современного географического исследования Монголии. Жизненно важные для молодой республики научные и прикладные исследования были начаты именно А.Д.Симуковым.

* * *

Андрей Дмитриевич был человеком добрым, начитанным и открытым. Говорил на нескольких европейских языках. Он не имел полного высшего образования, так как приехал в Монголию еще юношей и, за его плечами были лишь гимназия и два курса технического вуза. Тем не менее, он обладал значительным багажом знаний по географии, особенно Центральной Азии. По этому поводу российский журналист Алексей Кривель отмечает: “Формально он не был ни доктором, ни даже кандидатом наук, хотя за один только Географический Атлас МНР несомненно был достоин докторской

степени, впрочем, сам не раз писал, что карьера его мало интересует”⁷). В своей книге “Самый синий Хангай” А.Кривель задает вопрос: Что же позволило Андрею Симукову, приехавшему в Монголию почти двадцатилетним юношей, за короткий срок стать энциклопедически образованным человеком и выполнить колоссальную по объему и удивительную по широте охваченных проблем работу? И объясняет это так: “Истоки этого явления, помимо школы, пройденной им у П.К.Козлова, и редкой природной одаренности, следует искать в семье, девизом которой был неустанный труд, постоянное стремление к знаниям и упорная работа над собой”.

В 1989 году автор этих строк был удостоен чести быть приглашенным на семейный праздник писателя Алексея Дмитриевича Симукова. В тот вечер я сидел в кабинете русского писателя и читал детские дневники его старшего брата. Обратил внимание на такую черту: почти все, что он задумывал, не оставалось мимолетным детским увлечением, а превращалось в упорный, целеустремленный поиск. Его юношеские дневники мне не удалось прочитать, поскольку они были написаны странными буквами, напоминающими старомонгольский алфавит. Тогда Алексей Дмитриевич объяснил мне, что он в детстве был любознательным ребенком, тайком читал дневники брата. По этой причине, чтобы скрыть от него свои записи, Андрей придумал собственный алфавит, возможно, заимствованный из трудов исследователей Центральной Азии. Автор этих строк тогда предложил Алексею Дмитриевичу расшифровать эти таинственные записи, на что он ответил: “пусть тайна моего брата останется тайной”. Дневники до сих пор хранят секреты юного Симукова.

Андрей Дмитриевич за годы работы в МНР превратился в истинного монгола. Он свято соблюдал монгольские обычаи, как заметил премьер-министр Гэндэн - говорил “как худонец”, надевал монгольскую одежду, играл в далу /монгольская разновидность домино/, монгольские шахматы, при необходимости мог на монгольский лад зарезать овцу или козла. Его многочисленные поездки по Монголии были сопряжены со многими трудностями и невзгодами. Но, как географ, я уверен, что эти периоды в его жизни были самыми счастливыми. Это видно хотя бы из писем, присланных родным: “В монгольском халате, шапке, с ножом за поясом, на маленьком шустром коньке носился от айла к айлу, чувствуя себя в каждой юрте, как дома, и за чашкой соленого чая, кумыса или молочной водки в медленном, пересыпанном шутками разговоре вскрывал суть кочевков, социально-экономические тайны, готовя заключительную часть трилогии “география-пастбище-хозяйство”.

Ф.А.Ларсен в своей книге “Монголия”, изданной в 1930 году в г.

Бостоне писал: “Монголы во время путешествия, кроме лошадей, на которых едут, ничего не имеют. У меня тоже вошло в привычку путешествовать по этой стране таким же методом”. По его словам, монголы отличаются исключительным гостеприимством, так как знают, что каждый может оказаться в таком положении во время путешествия.

Немногие иностранные путешественники могли бы совершить подобные походы, и одним из тех, кто в состоянии был сделать это, бесспорно был А.Д.Симуков. Он утверждал: “Зная язык и обычаи, можно проехать страну из конца в конец без копейки денег, имея лишь коня, трубку и кисет табаку, находя везде, где есть люди, кров и пищу”. И это не пустое бахвальство. Думаю, что он неспроста писал так. Возможно, он втайне мечтал совершить подобное. И будь у него свободное время, он бы это сделал с легкостью.

Из страниц его трудов мы узнаем имена его сподвижников, таких, как Ф.Ф.Большаков, М.А.Симукова, В.Д.Якимов, С.Ураков, В.Балашева, А. Вагапов, В.Марчук, С.Климов, Санчжа, Цэвэн, Гомбожаб, Дамбарачжа, Жаргал и др. К ним следует добавить еще одного человека, сыгравшего большую роль в его жизни - китайца по имени Фу Чин. Этот человек был раньше поваром экспедиции П.К.Козлова, после возвращения ее участников на родину, был “передан” Андрею Дмитриевичу. В течение нескольких лет он обеспечивал “тыл” исследователя, был полновластным хозяином его нехитрого хозяйства, а, главное, преданным другом.

В 1990 году Мелания Алексеевна Симукова рассказала мне следующую историю.

Дело было вскоре после приезда ее в Улан-Батор. Получив зарплату, Андрей Дмитриевич, как всегда, отдал ее Фу Чину. И тот после некоторого раздумья начал раскладывать деньги по назначению на три кучки – на еду, экспедицию и на сбережение. Потом подумав еще, начал откладывать четвертую кучку. На вопрос Мелании Алексеевны он ответил: “Ты красивая женщина. Но одежда твоя никудашная. Ты должна выглядеть не хуже городских модниц. Нельзя срамить Андрея”. Он был непререкаемым авторитетом в семье Симукова, одевал их, кормил. Был очень расчетлив и прижимист. Симуковы с трудом выпрашивали у него деньги на кино.

А.Д.Симуков был необыкновенно популярен среди монголов. У него было много монгольских друзей. Среди них были как известные люди того времени, так и простые скотоводы.

Андрей Дмитриевич страстно любил поэзию, дружил с основоположником современной монгольской литературы Д.Нацагдоржем, который часто приходил к нему, уводил его на прогулки... По воспоминаниям М.А.Симуковой, монгольский поэт был стеснительным, улыбчивым

человеком. Ее муж до поздней ночи бродил с Нацагдоржем по огромному и пустынному тогда двору Научно-исследовательского Комитета. На вопрос, что же они там делали, неизменно отвечал : “Гуляли под звездами”. А однажды рассказал, что Нацагдорж читает ему свои стихи, и добавил: «Запомни его имя. Он будет очень большим поэтом». Может быть, замечательное стихотворение поэта “Звезда” родилось именно во время этих прогулок. То же самое можно сказать и о его поэме “Моя родина”. Ведь в ее строках - вся география Монголии:

Хэнтий, Хангай, Саяны, вставшие дугой
Хребты высоких гор, покрытые тайгой
Мэнэн, Шарга, Номин – о как вас любим мы,
Монгольские барханы и холмы...

Задумав сочинить стихотворение о природе Монголии, основоположник нашей современной литературы, конечно же, не мог не проконсультироваться со своим другом – знатоком географии Монголии. Например, в стихотворении “Моя родина” есть строка о пяти видах злаков, выращиваемых в Монголии. Д.Нацагдорж, сын скотовода, далекий от земледелия, вряд ли смог бы точно сказать, сколько именно видов зерновых культур произрастает в Монголии. А в труде Андрея Дмитриевича “Краткая география МНР” написана: “Монголы сеют преимущественно просо и арбай (голосемянный ячмень), буряты и русские – ярицу (яровую рожь), пшеницу, овес, китайцы – пшеницу”.

Имея русского друга, причем так же как он влюбленного в поэзию, Д.Нацагдорж, естественно, обращался к нему за помощью при переводе стихов А.С.Пушкина.

У Симукова был бесспорный талант литератора. В письме к своему брату он описал озеро Хубсугул следующим образом: “Вода озера, светло-аквамариновая в мелких местах, на большой глубине принимает ни с чем не сравнимый чистый синий, очень густой и глубокий цвет. Смотреть на эту воду - чистая радость. И вот вообрази: такого цвета озеро обрамлено мохнатыми от леса горами. Золотой осенний лес /лиственница/ смотрится прямо в воду. А на горизонте, на фоне светло-голубого усталого осеннего неба, как бы вырастая из дальних синих волн, высится огромная иззубренная вершина г.Мунку-Сардык, ослепительно серебристая от вечных снегов на вершине и свежевывающего снега на склонах”.

А.Д.Симуков в одном из своих докладов заметил: “Экспедициями Географического отделения НИКа сделано на автомобилях, лошадях и верблюдах свыше 30.000 км исследовательских маршрутов по стране.

Беллетристическое описание этих путешествий составило бы ряд занимательнейших и поучительных книг для юношества”. Но, из-за нехватки времени, ему удалось написать всего два увлекательных очерка в этом жанре.

Алексей Кривель их оценивает следующим образом: “Пробовал свои силы в беллетристике. Очерки Симукова “По Хэнтэйской тайге” и “В стране диких верблюдов” открыли новое для того времени направление научно-приключенческой литературы”⁸⁾.

Он был в близких отношениях также с известным монгольским ученым Б.Ринченом, после его ареста в 1937-м году часто навещал его семью и поддерживал его жену Радну. Позже, Б.Ринчен по адресному столу разыскал и навестил Меланию Алексеевну.

* * *

В конце 1930-х годов А.Д.Симуков собирался возвратиться на родину. Он пишет доклад о своей двенадцатилетней работе в МНР, статью об итогах работы географического отделения за 15 лет. Он на своей родине собирается опубликовать свои основные труды, поскольку они были большей частью написаны на русском языке.

Но тут грянула беда – 19 сентября 1939 года его арестовывают сотрудники особого отдела НКВД армейской группы войск, предъявляют обвинение в “шпионаже в пользу иностранного государства” и объявляют “врагом народа”. Далее он был направлен спецконвоем в тюрьму в г. Улан-Уде, потом был этапирован через Новосибирск и Архангельск в Печорский лагерь в Коми АССР, где скончался 15 апреля 1942 года “от паралича сердца”. В декабре 1956 года он был полностью реабилитирован “за отсутствием состава преступления”.

Чтобы читатель понял непростую обстановку того времени, приведу следующий факт. Первый монгольский географ Ц.Цэвэгжав был в 1937 году арестован и расстрелян якобы за вредную пропаганду - за то что сказал своим ученикам следующую фразу: “Монголы могут воссоединиться и создать независимое государство. У нас еще сохранились трезвый ум и сила времен Чингис хана”. Он был учителем главы государства маршала Х.Чойбалсана, кстати, тоже панмонголиста - сторонника создания великого монгольского государства. Но это не спасло его.

Ярлык “враг народа” означал не только физическое устранение, но и беспощадное уничтожение трудов таких людей. Вырезывались из книг статьи, авторами которых были “враги народа”. В случае острой необходимости издавали их труды без указания имен авторов.

Конспекты первого монгольского географа Ц.Цэвэгжава его старшая

дочь Ц.Ишханд прятала в течении более полувека. Они были найдены лишь после ее кончины.

Рукописи А.Д.Симукова сохранились для потомков лишь потому, что в условиях нарастающей напряженности внешнеполитической обстановки, республика как никогда нуждалась в них. Вполне возможно, что во второй половине 1930-х годов ему давали различные поручения, связанные с обороспособностью МНР. Вскользь упомянутые в одном его докладе “военные работы”, наверняка хранятся в каком-нибудь секретном архиве.

* * *

Шли годы... В 1990 году в Монголии победила демократическая революция, одним из лидеров которой стал С.Зориг – внук Андрея Дмитриевича. Именно с демократизацией страны стало возможным, в частности, открытое обсуждение вопросов, связанных с массовыми репрессиями тридцатых годов.

25 сентября 1990 года президент АН Монголии Н.Содном подписал постановление о создании комиссии по изучению научного наследия А. Д.Симукова. В ее состав были включены известные монгольские ученые, а также дочь географа Н.А.Симукова и его внук Санжаасурэнгийн Баяр. В задачу комиссии входили пропаганда и издание его трудов. В рамках работы этой комиссии была написана книга о жизни и деятельности русского географа⁹⁾ и целый ряд статей, но основную работу – издание его трудов не удалось осуществить.

Как географ и бывший секретарь вышеназванной комиссии, я радуюсь изданию сборника трудов замечательного русского ученого, человека с большой буквы, посвятившего всю свою жизнь нашей родине. Став достоянием широкой публики, его труды несомненно будут использоваться еще шире и принесут еще большую пользу для науки.

Монгольский народ помнит и впредь будет с благодарностью вспоминать имя легендарного русского путешественника, замечательного географа - Андрея Дмитриевича Симукова.

Примечания

- 1) Н.Саранчимэг, “Хүмүүсээ! Хотынхоо ногоон бүсийг авраач”, газета “Удрин сонин”, № 66, 2006-3-18.
- 2) П.Цолмон, “Сэтгэлд уяатай Монгол нутаг”, газета “Худулмур”, 1990-4-12.
- 3) В Государственном Центральном архиве хранятся несколько работ, написанных на монгольском языке и число их со временем, по всей вероятности, еще увеличится.
- 4) Э.М.Мурзаев, Рассказы об ученых и путешественниках, М., 1979, с. 75, 77.

- 5) Ш.Цэгмид, Санаанд үлдсэн хэсэг бусаг зүйл, с. 20, Улан-Батор, 2002.
- 6) Алексей Кривель, Самый синий Хангай, М., 1987, с. 130-131.
- 7) Алексей Кривель, Самый синий Хангай, М., 1987 г.
- 8) Алексей Кривель, Самый синий хангай, М., 1987, с.139.
- 9) П.Цолмон. Газар зүйч А.Д.Симуковын амьдрал, бүтээлийн тухай, УБ, 2002.